

18. Доктор Сарвис у себя дома

Трудный день в операционной. Сначала — торакальная операция: сложное удаление нижней доли левого лёгкого у мальчишки четырнадцати-пятнадцати лет. Он приехал сюда, на Юго-запад, слишком поздно, — лет через десять лет после того, как старомодный свежий воздух девятнадцатого столетия заменило современное научное мышление, и умудрился завести пульмонит, осложнённый шрамами бронхоэктазии (расширения бронхов) — болезни, редкой у молодых млекопитающих, в свою очередь, осложнённой через несколько лет самым типичным на юго-западе хроническим заболеванием — коккодиоидомикозом, или равнинной лихорадкой. Эта грибковая инфекция обычно связана со щелочными почвами и разносится чаще всего ветром в тех регионах, где естественная поверхность пустыни нарушена сельским хозяйством, строительством и добычей полезных ископаемых. У его нынешнего пациента эта активно распространяющаяся болезнь, спровоцированная экономическими причинами, привела к жестокому кровотечению, так что у доктора не было иных возможностей, кроме как удалить, наложить швы и зашить парнишке кожу.

Дальше, для отдыха и расслабления, Док выполнил удаление геморроя. Эту простую, как удаление сердцевины яблока, операцию доктор всегда проводил с удовольствием, особенно сейчас, когда его пациентом был вульгарный, белозадый, синеносый районный прокурор округа Бернал У. У. Динглдайн (или не У. У. Динглайн? а-а, какая разница), преследовавший стриптизёрок. Гонорар Дока за эту десятиминутную операцию ректального развёртывания составит, в данном случае, ровно 500 долларов. Чрезмерно? Конечно; конечно, чрезмерно; но, собственно, его же предупреждали: прокуроров здесь не почитают.

Закончив, он сбросил свой запятнанный кровью халат, ущипнул медсестру за попку и побрёл на дрожащих задних конечностях через боковую дверь по аллейке сквозь фотохимическое сияние слегка приглушённого, но безжалостного солнца Альбукерка. Спустившись по короткой, в несколько ступенек, затемнённой лестнице, он оказался в мягком полумраке ближайшего бара.

Официантка появлялась и исчезала, появлялась и исчезала снова — бесплотная улыбка, скользящая в сумраке зала. Док потягивал свой martini и думал о парнишке с разрезом — теперь уже зашитом — длиной в восемь дюймов, и как у него печёт сейчас под левой лопаткой. Когда-то Юго-запад был местом, куда восточные врачи посылали на поправку своих самых серьёзных респираторных больных. Это время прошло; банкиры, промышленники, строители автодорог, поставщики коммунальных услуг, — все те, кто нынче занимается его освоением и застройкой, менее чем за тридцать лет преуспели в своих усилиях довести воздух городов Юго-запада до «стандартного качества», то-есть сделать его таким же загрязнённым, как и повсюду в иных местах.

Док считал, что знает, откуда появляется яд, отравивший лёгкие этого мальчишки и съедающий слизистые оболочки ещё нескольких миллионов граждан, включая и его самого. От плохого зрения до раздражения глаз, от аллергии до астмы, до эмфиземы, общей астении — лежал прямой путь, патогенный на всём протяжении. Уже и здесь, в Альбукерке, бывают дни, когда школьникам запрещают играть на «свежем» воздухе, поскольку тяжёлое и частое дыхание оказывается более опасным, чем прилипчивые детские болезни.

Он заказал второй martini, следя внимательным взглядом за всеми движениями безупречных по форме бёдер молодой официантки, мягко маневрировавшей зигзагообразным курсом между столиками обратно к стойке бара с хромированным ограждением. Он представлял себе их внутренние поверхности, нежно ласкающие друг друга в интимной близости, и куда они ведут, и как, и зачем. И вспомнил с внезапным уколом острой боли, пронзительной, как утренний сон, — о Бонни.

Хватит. Хватит об этом.

Док пошёл обратно, навстречу мощному солнечному свету, всё возрастающему рёву машин на улице, ирреальной реальности города. Нашёл свой велосипед, собственно, не свой, а Бонни, там, где он кое-как пристроил его в стойке у входа в хирургическое отделение. Сильно виляя, доктор Сарвис вёл своё транспортное средство, оснащённое десятью передачами, на первой скорости вверх по длинному подъёму Железной авеню. («Оголил ноги — сказали бы деревенские мальчишки, — чтобы прогулять свой зад»).

Сумасшедшие водители в своих заносчивых железных колесницах проносились в опасной близости от него. Он продолжал бороться, герой — одиночка, сдерживая самостоятельно весь их напор. Холоп какого-то подрядчика за рычагами сверхгабаритного цементовоза громко сигналил прямо за спиной у доктора, чуть не сталкивая его в сточную канаву. Док отказался уступить; продолжая нажимать на педали, он поднял одну руку с резко вытянутым указательным пальцем — жест решительного отказа — Чинга! Водитель грузовика объехал его, небрежно наклонился к правому окну своей кабины, чтобы высунуть оттуда своё мясистое предплечье, кулак и палец наружу и вверх: Чинга ту маме! Док ответил знаменитым неаполитанским двойным выпадом: мизинец и безымянный вытянуты, как зубцы вилки для мяса: Чинга штукац! (Непереводимая и неестественная непристойность). О-о! Это уж чересчур: на этот раз зашло слишком далеко.

Водитель швырнул свой цементовоз к бордюру с жутким визгом тормозов, открыл дверцу кабины со своей стороны и вывалился из неё. Док въехал на тротуар и спокойнѐхонько поехал дальше по правой стороне, сидя в седле прямо и гордо, как истинный джентльмен, — уже на третьей скорости. Водитель пробежал за ним несколько шагов, потом остановился и ретировался в свою кабину, под громогласный хор сирен всех автомобилей, выстроившихся за ним и сигналивших дружно тутти фортиссимо.

Док всё ещё ехал по Железной авеню, когда у него вдруг появилось неприятное ощущение, что его преследуют. Взглянув через плечо, он увидел, что его снова нагоняет тот самый цементовоз, ломящийся вперёд, как Голиаф. Сердце Дока забилось быстрее; отчаянно жуя свою тлеющую сигару, он разработал план. На углу, который он имел в виду, находился

свободный участок, с огромным сдвоенным щитом объявлений в металлической раме на высоких металлических опорах. Его уже было видно. Док слегка притормозил, держась как можно ближе к бордюру, и пропустил пару автомобилей, так что цементовоз оказался непосредственно за ним. Оглянувшись, Док снова бросил его водителю невыразимое двузубое калабрийское оскорбление. Сирена ответила пронзительным воплем ярости. Док прибавил скорость, переходя на шестую, а грузовик грохотал у него за спиной. Вот и угол; Док прицелился в узкую щель между бордюрными блоками, от которой шла грунтовая дорога к щиту (Док и Бонни однажды редактировали его). Предоставляя водителю спортивный шанс, Док учтиво показал ему, что намерен сделать резкий поворот направо. Пальцы, конечно, вытянуты.

Момент настал. Док заложил грациозный вираж, не теряя ни одного поворота педалей. Стремительный и элегантный, степенно сидя с прямой спиной на крошечном седле своего велосипеда, он проехал между стальными опорами и под нижним краем двойного щита всего в каких-нибудь шести дюймах от него. Цементовоз ринулся за ним.

Услышав грохот и треск, Док притормозил и сделал круг, озирая место крушения: эффектно, но не очень серьёзно. Оба щита опрокинулись на кабину и всё ещё вращающийся миксер цементовоза. Прямо посередине покорёженных обломков бил фонтан пара, свистя, как гейзер, из прорванного радиатора агрегата № 17 Компании по производству цемента и гравия города Дьюк Сити.

Док смотрел, как водитель выкарабкивался из своей кабины в тень, под щиты. Он был, в общем, в порядке, если не считать кровоточащего носа и мелких ушибов, ссадин и шока. Раздался душераздирающий звук сирен, приблизился, появился и замер под хлопанье дверей патрульных машин. Происшествием занялась полиция. Док, невредимый и безнаказанный, спокойно поехал дальше.

С ужином всё было не так просто. Доктор Сарвис любил поесть, но не любил готовить. Побродив какое-то время по кухне в поисках чего-нибудь, кроме пакета мороженных котлет, твёрдых, как кварцит, после месяца в морозильнике, он, наконец, устроил себе ужин — к чёрту, где же моя Бонни? — из банки зелёной фасоли, салата из курицы, оставшегося ещё от Абцуг, и бутылки пива. Он включил телевизор, чтобы посмотреть вечерние новости с Уолтером Кронкайтом и его друзьями, затем сел за стол и ещё раз внимательно прочёл открытку, которую он только что вынул из почтового ящика.

Дорогой папочка Док, мы тут замечательно проводим время в лесах, собираем цветочки, любуемся оленями, а генерал Хейвик повсюду нас сопровождает, мы все очень без тебя скучаем и увидимся в Пейдж? В Сухом Каньоне? Через неделю? Две? Позвоним любим Грubbyан Бонни Редкий Гость Спит.

Открытку отправили из города Джекоб Лейк, Аризона. На ней были изображены горы, и луга, и олени, и осины в яркой летней зелени.

Он доел свой одинокий холостяцкий ужин, чувствуя себя таким же холодным и заброшенным, как и этот куриный салат. Он скушал без них. Ему не хватало ясного, свежего

воздуха, пустошей, мелких желтоватых цветочков, запаха можжевельного дыма, ощущения песка и песчаника в руках. Ему не хватало удовольствий, действия, удовлетворения от хорошо сделанной работы. (Поддержите ваших местных эко-воинов). Он скучал без всего этого. Но больше всего ему не хватало его Бонни. Самой боннистой Абцуг, — самой красивой, пышной, здоровой, самой хорошей на свете.

Он посмотрел новости. То же, что и вчера. Продолжается общий кризис. Ничего нового, кроме рекламы, полной незатейливых картинок и эко-порнографии. Озёра Луизианы, странные птицы в замедленном полёте, кипарисы с бородами испанского мха. Над девственно-прекрасными картинами звучал голос Власти, исполненный искренности, расточающий похвалы себе и нефтяной компании Эксон — её опрятности, её исключительной заботе обо всей дикой природе, её постоянному вниманию к человеческим нуждам.

Возвращаясь от холодильника со второй бутылкой пива, Док остановился на секунду перед экраном телевизора. Долгий кадр морской буровой установки. Громкая заключительная музыкальная фраза. Слова «Мы думали, вы бы хотели знать...» проходят через весь экран. Это уж слишком для Дока. Внезапно всё вдруг стало невыносимо. Он размахнулся правой ногой, всё ещё обутой в ботинок, и дал этому чёртову экрану прямо в глаз. Он взорвался с громким хлопком, как будто лопнула грандиозная электрическая лампа. Голубое сияние залило кухню и тут же умерло в момент своего рождения; прозрачные осколки тонкого флуоресцентного стекла скользнули по стенам.

Док постоял, созерцая то, что он натворил. «Так я опровергаю МакЛюэна», — пробормотал он. И снова сел за стол. В воздухе плавал запах сернистого цинка. Покончив с ужином, он затолкал грязные тарелки посудомоечную машину, и без того уже переполненную грязной посудой; он втиснул их вовнутрь, навалившись на верхнюю крышку машины. Хруст и треск раздавленного стекла. Он накормил кота Бонни и вышвырнул его за дверь, ушёл из кухни в гостиную и сел перед большим окном, закулив сигару. Перед ним расстился город в своём угрюмом величии, с рядами фонарей, как нитки янтарных бус. Над городом, за Рио Гранде, висела в вечернем небе молодая луна, бледная, как платина, освещающая город, и реку, и пустыню за ними.

Док думал о своих друзьях где-то там, далеко, на север и запад от него, среди камней, под этим простым светом. Они делали своё нужное дело, а он тут впустую тратил время. Дьявол найдёт работу праздным рукам. Доктор Сарвис потянулся за газетой. На обороте увидел объявление на всю страницу. Представление на судах, Ледовая арена Айс Сити. Он подумал, что нужно бы пойти посмотреть новые прогулочные суда. Завтра, или, может быть, на следующий день. В ближайшее время.